

СЛЕДСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ДЕЛУ О СМЕРТИ М. А. ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ ТОГО ВРЕМЕНИ

С появления воспоминаний Л. Ф. Достоевской (1920) и – в какой-то степени – А. М. Достоевского – смерть М. А. Достоевского стала стабильно квалифицироваться как убийство, совершенное его собственными крестьянами. Такая интерпретация нашла свое место в работах И. Нейфельда, З. Фрейда, В. С. Нечаевой. Однако после обнаружения Г. А. Федоровым в 1975 г. архивных материалов, характеризующих ход следствия, имевшая место однозначность сменялась дискуссией, которая нашла свое воплощение в статьях В. Я. Кирпотина, И. Л. Волгина. При этом главным доводом в защиту версии об убийстве стала якобы невозможность обнаружения следов фальсификации в бумагах «николаевского суда» (В. С. Нечаева).

Материалы, обнаруженные Г. А. Федоровым, не были охарактеризованы им с источниковедческой точки зрения, да и остаются неохарактеризованными до сих пор. Возможно, именно поэтому В. С. Нечаева восприняла их как некие обрывки следственного дела. Между тем, перед нами «Журналы» Каширского уездного суда за 1839 и 1840-е годы. Они велись в хронологическом порядке в течение календарного года и предназначались к вечному хранению. В Журналы заносилась квинтэссенция любого документа, приложенного к делу. Так как Журнал был синхронным явлением, в котором соседствовала информация по параллельно идущим делам, то может быть поставлен и решен вопрос о транспарентности принимаемых Судом

решений сделанным заключениям, а также аналогичным прецедентам в других делах. Кроме того, особые вопросы вызывает:

- а) возможности криминалистики 1-й половины XIX в. для раскрытия убийств;
- б) правдивость медицинского заключения;
- в) объективность следствия.

В фольклорных записях, сделанных в 1920-е гг. Д. А. Стоновым и В. С. Нечаевой, равно как и в записках Л. Ф. Достоевской, упор так или иначе делается на специфику убийства, не оставившего следов, а потому не замеченному медиками. В «Воспоминаниях» А. М. Достоевского содержится предположение о взятке, данной крестьянами, чтобы уйти от наказания за совершенное убийство. Им же делается предположение, что родственники самого М. А. Достоевского не были заинтересованы в расследовании, поскольку последнее грозило высылкой всего мужского населения имения, а значит, разорением. Последнюю версию берет на вооружение В. С. Нечаева. В докладе предполагается подробно рассмотреть указанные проблемы.

А) Приводимые в воспоминаниях и фольклорных записях сценарии убийства сходятся в одном: убийство было «без знаков». При этом приводятся следующие версии: 1) удушение подушкой (Л. Ф. Достоевская), 2) отравление алкоголем (Д. Стонов), 3) болевой шок через пережатие артерий фаллоса (В. С. Нечаева). К 1839 г. российская криминалистика уже знала два судебно-медицинских учебника:

адаптация к русской почве штабс-лекарем Брыковым «Судебной медицины» Лесье, Ренара, Лесне и Рие (Санкт-Петербург, 1823), «Краткое изложение судебной медицины» С. А. Громова (СПб., 1838), а также постоянную криминалистическую рубрику в «Военно-медицинском журнале», в котором, в частности, печатались статьи Г. И. Блосфельда (обобщены в монографию «Начертание судебной медицины для правоведов»; Казань, 1847). Указанные пособия однозначно свидетельствуют: ни один из названных сценариев не может претендовать на то, чтобы обойтись «без знаков». Так, удушение подушкой, действительно, не оставляя внешних следов на теле, сопровождается общими признаками удушения – разрывом легочных сосудов (Громов, с. 316 – 319). Отравление алкоголем проявляется в спиртовом запахе, идущем от мозга и иногда желудка (Громов, с. 431 – 433; Блосфельд), а в случае насильственного вливания спирта — в травматическом поражении полости рта и губ. Наконец, повреждение «наружных детородных органов» проявилось бы синяками в силу «нежности и чувствительности их сложения» (Громов, с. 304 – 305). Таким образом, теоретические возможности для выявления убийства у судебной медицины того времени имелись. Но остается возможность подкупа медика с целью дачи неправильного заключения.

Б) Как правило, медицинские бумаги при фальсификации дел не подделывают, поскольку они наиболее легки в проверке (ср.: К. Келли). К 30-м годам технология медицинских действий была более чем четко формализована: врач работал независимо (в присутствии лишь помощника-фельдшера, станового и понятых), ему рекомендовалось делать записи прямо по ходу вскрытия; тело после вскрытия предписывалось «обернуть в толстое полотно»

с приложением «печати полицейского чиновника». Тем самым обеспечивалась возможность эксгумации и повторного анализа. Рапорт медика подлежал обязательной оценке и утверждения Губернской врачебной палатой.

По поводу тела М. А. Достоевского Тульская губернская врачебная палата обсуждала и утверждала отзывы сразу двух врачей: назначенного Каширским уездным судом Шенкнехта и вызванным сразу после инцидента (похоже, для оказания помощи) зарайским доктором Шенроком. Причем отзыв Шенрока должна была обсудить и Рязанская губернская врачебная палата, поскольку имел место смертельный исход, а Зарайск относился к Рязанской губернии. Таким образом, оба отзыва должны были оказаться абсолютно соотносимыми, чтобы не была назначена эксгумация. Последнее становится очевидным, если учесть, что к отзыву Шенрока обратились на стадии доследования, после заявления ротмистра Лейбрехта, будто бы он слышал, что имело место убийство.

Тот факт, что рапорт Шенрока не был приложен сразу, легко объясним. Во-первых, Шенрок не был уполномочен судом, следовательно, не мог априори выступать как субъект следствия (Брыков, с. 117). Во-вторых, он был представителем властей другой губернии, и его вмешательство могло иметь место лишь в экстренной ситуации, связанной с попыткой спасения жизни человека (Громов, с. 40). В-третьих, он прибыл сразу после смерти, но никто не имел право производить вскрытие прежде истечения 24 часов с момента фиксации смерти (Громов, с. 47). Столь же объяснимо (причем этот факт проясняет статус Шенрока по отношению к М. А. Достоевскому), почему отзыв обязали приложить. Показания «чужого» врача требовались, если он был лечащим врачом, т. е. когда-

либо при жизни «пользовал» умершего (Громов, примеч. на с. 42 – 43). Участвовать во вскрытии, однако, такому врачу было категорически запрещено, чтобы сохранить возможность независимой оценки качества лечения.

Следовательно, контроль за врачебными действиями, независимость экспертизы, формализованность рапорта, возможность эксгумации позволяли предотвращать медицинскую фальсификацию. В случае подкупа врачу было бы гораздо «безопаснее» отказаться от вынесения суждения, дав просто туманное описание, предоставив формулировать выводы непосредственно Врачебной палате. Но у нас не такая ситуация. Шенкнехт однозначно заключил, что смерть наступила от «апоплексического удара». Но может быть имела место взятка, данная самим следователям, которые «нажали» на врача?

В) Фальсифицированное следствие важно было бы закрыть как можно быстрее. В тот момент, когда поступила жалоба Лейбрехта, сообщившая об убийстве, дело находилось на утверждении Тульским гражданским губернатором. Не было нужды возвращать его на доследование и давать ход жалобе, подрывающей фальсификацию. Но это было сделано. Доследование сильно расширило список лиц, знакомых с делом (гражданский губернатор, генерал-губернатор, Тульская врачебная палата, Рязанская врачебная палата, Московская управа благочиния). Причем для допроса няни Алены Фроловны, присутствовавшей в Даровом в момент смерти М. А. Достоевского, в Московскую управу благочиния отсылается полная копия следственного дела (с очной ставкой Лейбрехта и Хотяинцева, с указанием на предсмертный крик М. А. Достоевского, с замечаниями ревизионеров, с медицинскими бумагами и т.д. и т.д.). Со всеми этими доку-

ментами «фальсификаторы» решились свободно ознакомить независимого от них московского следователя.

Кроме того, слишком многих надо было подкупать: от зарайского врача Шенрока, временного отделения, ведшего расследование, до членов Каширского уездного суда и гражданского губернатора, а также генерал-губернатора, утвердившего окончательный вердикт. Причем к появлению первых московских родственников в усадьбе (через три недели) следственные действия уже завершились и дело лежало на столе у гражданского губернатора. А подкупать надо было быстро. Кто подкупал – разоренные крестьяне?

Для подобной затраты усилий, финансовых средств, сопровождающейся значительным риском (подкуп государственных служащих, препятствие правосудию, подлог – т. е. преступления против государства) не было ни много ни мало... мотива.

Уголовная практика первой половины XIX века знала лишь непосредственное умышленное убийство, при котором имеются объективная сторона (действие, очевидно приводящее к смерти) и субъективная сторона (человек непосредственно намеревался убить). При отсутствии уголовного понятия «непредумышленное убийство» (ср. воспоминания А. М. Достоевского) неправдоподобной выглядит версия об угрозе ссылки в Сибирь всего мужского населения Черемошни. 1839 г. в Каширском уезде, действительно, знает ряд убийств помещиков (в этом плане заявление Лейбрехта понятно). Но ни одну деревню не выселили, во всех случаях были найдены и осуждены один-два непосредственные убийцы. Между тем получается буквально фантастическая картина: группа дворян (в том числе высокопоставленных, глава уездного суда, как минимум) рискует всеми своими правами состояния ради спасения

от ссылки в Сибирь 15-ти крепостных крестьян. И это в ситуации, когда 15 крестьян можно было купить «на вывоз». В ситуации, когда можно было «безопасно» представить произошедшее как непредумышленное убийство (смерть от страха, кстати, единственный вид смерти, который не имеет «знаков», Блосфельд, С. 181 – 182) с последующей передачей его в ведение Консистории. Или свалить умышленное убийство на кого-то одного.

Так или иначе, но закрытие фальсифицированного дела на основании 1061-й статьи 15 тома Свода Законов Российской Империи («предать Суду Воли Божией, так как в оной <смерти> виновных никого нет...») – наиболее опасный для фальсификаторов исход. Вышеозначенная формулировка привлекала к себе внимание, она нуждалась в ревизиях и проверках. Эта

формула, разработанная в рамках «Очистительных присяг», применялась как аналог современной формулировки «за отсутствием состава преступления». Для любых выводов необходимыми считались свидетели или однозначное признание подсудимого. Эта же формула говорила об отсутствии улик и свидетельских показаний, говорящих о насильственной смерти, но подчеркивала отсутствие обратных свидетельских показаний. Так заканчивались только дела, представленные, кстати, в соседних материалах Журнала, о нахождении тел утонувших, умерших на большой дороге, скоропостижно скончавшихся.

Таким образом, кроме весьма спорных меморатов, подчиняющихся принципам мифопоэтики (представлению о внезапной смерти), у нас нет никаких резонов, подтверждающих версию убийства.